

Европа: новая идея в конце XVIII века?

...или некоторые направления рефлексии
для сопротивления глобалистской идее революции
при раздумьях о политической истории конфедерации
республик в Европе и за ее пределами...

ПЬЕР СЕРНА

ПЬЕР СЕРНА. Профессор Универси-
тета Париж 1 Пантеон-Сорбонна.
Адрес: 17 rue de la Sorbonne, 75005
Paris, France.
E-mail: pierre.serna@univ-paris1.fr.

Ключевые слова: Европа, Франция,
революция, право, война и мир,
XVIII век, Средиземноморье.

В XVIII веке появляется целый ряд политических трактатов, которые рассматривают создание единой Европы как основу новых наук об искусстве управления. Размышления об организации континента выстраиваются параллельно с осознанием необходимости установления мира между странами и утверждением личных прав, притом что большинство этих стран являются монархиями. Революция реализует эту утопию в ее высшей идейной форме через Декларацию мира, в ее практической форме — через проект муниципальной децентрализации континента. Европа революции обретает контуры, замещающая Европу монархий. Развившаяся в конце века война иначе ставит вопрос о разделе Европы между коалицией и республикой, монархиями и республиками-сестрами, а вскоре, неожиданным образом, между Севером и Югом, когда Средиземноморье становится для многих демократов местом будущих республиканских революций.

EUROPE: THE NEW IDEA OF THE
LATE 18th CENTURY

PIERRE SERNA. Professor at University Paris I (Panthéon-Sorbonne).
Address: 17 rue de la Sorbonne, 75005
Paris, France.
E-mail: pierre.serna@univ-paris1.fr.

Keywords: Europe, France, revolution,
rights, war and peace, Brissot, 18th century,
sister republics, the Mediterranean.

The 18th century sees the apparition of numerous political treatises where the construction of Europe is put at the heart of new sciences about the art of governing. Thoughts on organizing the continent go side by side with the growing necessity to find peace between countries, most often monarchies, taking into account people's rights. Coming from the top, the Revolution puts that utopia into the form of a Declaration of peace in the world; coming from the bottom, it brings a project of a municipalization of the continent. The Europe of revolutions progressively defines itself and takes the place of the Europe of crowns. The war which breaks out at the end of the century divides Europe in a different way between Coalition and Republic, monarchies and sister republics, and soon after that, quite unexpectedly, between north and south, where the Mediterranean appears in the spirit of many democrats as the place of the future republican revolutions.

ДЕЯ ЕВРОПЫ, «древней», «греческой», «римской», «христианской», «каролингской», «гуманистической», «реформированной», «бурбоновской», «просвещенческой», обыгрывается между 1780 и 1820 годом, в то время как ветер революций, подгоняя корабли, увлекаемые Гольфстримом, приносит с собой дыхание протеста, возмущений, конституций и республиканизации старых королевств. Мыслится и реализуется иная концепция политических отношений, разрушая старые рамки королевской дипломатии, ставя под вопрос понимание принятых доселе границ как результата тайных соглашений. Рождается иное понимание геополитики с вытекающим из него новым пониманием организации европейского континента, задуманного в качестве единого целого, которое должно быть построено как новая политическая единица (поначалу — республика, после — империя...) на одном из самых сжатых и насыщенных промежутков времени — с 1790 по 1815 год.

Недавнее, сразу после Второй мировой войны, появление институтов европейского сообщества — не первый случай в истории континента, но продолжение старого проекта объединения этих народов вокруг религии, политической формы, экономического рынка, культуры, идентичности: представлений, насколько объединяющих, настолько и разделяющих и самых сложных для определения. В этой перспективе континентального строительства, устремленной к мирной цели, чей идейный горизонт ясно демонстрирует интегративный идеал разных обществ, объединенных в европейский суверенный «народ», согласный

Перевод с французского *Татьяны Зарубиной* по изданию: © *Serna P. Introduction — L'Europe une idée nouvelle à la fin du XVIIIe siècle? // La Révolution française. 2011. № 4.*

на контролируемую исполнительную власть и законодательную власть как гарант свобод, XVIII век, век утопий и политических реформ, произвел на свет многочисленные вымыслы и политические проекты объединения европейских государств. В этой перспективе революционное десятилетие, завершающее век аббата Сен Пьера с его проектом вечного мира, представляет собой невиданную лабораторию противоречивых опытов республиканского строительства. Дипломатические попытки самым завораживающим образом смешивают реальность и утопию, конкретизацию наброска европейской республики и поражение в войне за освобождение народов, реализацию предтечи республиканского европейского общества и разочарование в строительстве великой нации, захватывающей и пожирающей богатства более слабых союзников. Параллельно выстраивается динамика сестер-республик и претворяется в жизнь отход к европейскому авторитаризму по указке Бонапарта¹.

С какой стороны подойти ко всем этим противоречиям? Как описать их освободительный и учредительный потенциал, как выявить прорастающие в них зерна опасности? Как отделить действительно оригинальную часть республиканского проекта от всего того, что восходит к прежним проектам, к постоянно давящей военной конъюнктуре с ее *realpolitik*?

Можно пойти в нескольких направлениях. Здесь предлагается одно из них, которое иллюстрируется всем последующим ходом изложения, при этом его не исчерпывая. Речь идет о том, чтобы кратко напомнить о культурном обосновании космополитизма Просвещения, затем обратиться к республиканскому проекту Бриссо как ключевому моменту возможного строительства европейской федеральной республики и, наконец, задержаться в лаборатории республик-сестер, чтобы рассмотреть проект федеральной демократии республик, объединенных на юге Европы вокруг Средиземноморья, этого давнего центра моделей, еще только предназначенных для реализации, этой будущей основы учреждения наднациональных свобод, управляемых совместно.

Как чаще всего происходит, когда речь заходит о политической истории политических революций второй половины XVIII века, следует разрушить несколько историографических перегородок, воздвигнутых в XIX веке, прежде чем заново от-

1. *Abbé de Saint Pierre. Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe, 1712 // Du Directoire au Consulat. L'intégration des citoyens de la Grande Nation / H. Leuwers (ed.). Lille: CRHEN-O-Université, 2001; Républiques sœurs. Le Directoire et la révolution atlantique / P. Serna (dir.). Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2009.*

крыть перегруженные предрассудками архивные дела, реконструированные намного позже самих событий. Так, в рамках размышлений о Европе следует начинать с полемики, которой не было или, скорее, развернувшейся в воображаемом диалоге между произведениями. Чтобы оценить разброс идей, глубину различий, можно сравнить между собой концепции Альбера Сореля в его «Европе и французской революции» и Жана Жореса в его «Социалистической истории французской революции»².

С первых строк своего труда Альбер Сорель очерчивает фундаментально полемичные и полемологичные рамки:

Война между Европой и французской революцией тянулась около четверти века. Она началась в Вальми и закончилась только при Ватерлоо. Коалиционная Европа наконец-то восторжествовала над французской армией, однако нельзя сказать, что Франция вышла из борьбы побежденной. Для защиты своей национальной независимости, целостности своих территорий она начала реформы, воплощенные в ее законах и в политической конституции. Ценой мира было всего лишь возвращение покоренных земель. Она вернулась в свои прежние границы: тело нации ни в коей мере не было затронуто. Главные результаты французской революции были удержаны: Франция сохранила Гражданский кодекс и представительную форму правления³.

Альбер Сорель может лишь констатировать глубокую революцию, захватившую континент, революцию, становящуюся, по его выражению, «европейской». В конце XVIII и начале XIX веков Франция насаждает принцип, перевернувший всю Европу: принцип наций как основания государственного суверенитета, изобретение государства-нации, выстроенного на двойном притязании: во-первых, гражданского суверенитета и, во-вторых, независимости, — притом что оно привязано к конкретной территории при посредстве действительного соблюдения неотъемлемых прав и новых свобод. Смысл существования старых монархий был поколеблен до самого основания, а монархи слишком поздно осознали опасность для себя той модели, которую приняла для себя Франция. В конечном счете конфликт между этими двумя столь противоположными принципами был неизбежен — конфликт между революцией народов и монархиями подданных. В конфликте, начавшемся в 1792 году, можно выделить несколько этапов, каждый из которых напрямую отразился на природе республики как режима,

2. Sorel A. L'Europe et la Révolution française. Paris: Plon, 1887; Jaurès J. Histoire socialiste de la Révolution française. Paris, Messidor, [1900–1904] 1985.

3. Sorel A. Op. cit. P. 1.

управляющего мобилизацией всех сил в военное время. Начиная с реализации жирондистской модели и ее провала, заканчивая впечатляющей экономикой военного времени, навязанной Комитетом общественного спасения, и мирной политикой, принятой в 1795 году, республика показывает свои разные лица Европе, несколько напуганной той военной мощью, которой обзаводится новый режим и из которой делает одно из своих главных достоинств⁴.

Прорыв летом 1792 года, форсированное продвижение в 1793-м, подготовка победы в 1794-м в стране, находящейся во власти гражданской войны против Европы, каковая объединилась ради низвержения республики, — все это надолго оставит свой отпечаток в умах. Затем идея континентальной войны уступает государственным интересам, и властители Франции после Термидора, начиная с 1795-го, без колебаний нажимают на старые дипломатические пружины, встроенные в систему новых ценностей, как будто именно для того, чтобы окончательно покорить Европу — поначалу в период республик-сестер, затем в период экспансии империи⁵. Революция стала войной, объявленной Европе и закончившейся, быть может, в 1815 году... Но факелы 1848 года заново ее распалили, пока не началась война 1914–1918 годов, представленная как война европейской цивилизации за свободу, ведомую странами революций с 1688 по 1789 год против варварских автократий германизированной Европы⁶.

Когда Сорель публиковал свой текст, вся правая традиция во Франции верила, что сможет изобличить в революции свойственную современности беспорядочность войн между нациями, как это [позже] сделал и Банвиль в своей «Истории двух на-

4. Здесь следует напомнить о труде Роберта Палмера, решающем для понимания того, как военная политика была целиком и полностью построена конвенцией как последнее спасение для отчаявшихся республиканцев (*Palmer R. Le Gouvernement de la Terreur. L'année du comité de salut public. Paris: Armand Colin, 1989*). Его первое издание вышло в Принстоне в 1941 году под заголовком *Twelve who ruled*, в тот момент, когда другой европейский проект, на этот раз гитлеровский, смел все наследие революции, будучи выстроен в радикальной оппозиции последнему, оставив американского историка-франкофила в отчаянии и с жадной мети, которые вылились в справедливую критику виновной в крушении французской элиты, столь непохожей на элиту периода сопротивления врагу в 1793–1794 годы.

5. См.: *Martin V. Du modèle à la pratique ou des pratiques aux modèles: la diplomatie républicaine du Directoire // Républiques Sœurs. P. 87–102.*

6. Достаточно посмотреть на то, как Альфонс Оляр переписал связь между американской и французской революциями в цивилизационном порыве против варварства «с севера» (*Aulard A. Études et leçons sur la Révolution française. 8e série. Paris: Felix Alcan, 1921. В частности, раздел La Révolution américaine et la Révolution française*).

родов вплоть до Гитлера», указав на ответственность революции в пробуждении немецкой нации и разладе истории Европы⁷. Такова же и широко распространяемая сегодня вульгата. Ее можно обнаружить в разных жанрах, вплоть до романа, где пространственный отрывок о гитлеровской войне явным образом отсылает к революционной войне как началу процесса одичания Европы, давшей начало всем современным бедам⁸.

Совсем иным представляется подход Жореса, который сформулировал его немногим менее 15 лет после Сореля. Четвертый том его «Социалистической истории французской революции» озаглавлен «Революция и Европа». Философ и историк-социалист пытается увязать один с другим основополагающие элементы десятилетия (и далее) в недвусмысленно утверждающую себя долгосрочную позитивность, которую шлак насилия и оцепенения европейских народов не позволил выявить сразу.

Слишком часто в историях революции сцена занята практически одной-единственной Францией. Другие народы оказываются в своеобразном отдалении. Революционеры 1792 года имели обо всем окружающем мире лишь поверхностное и расплывчатое представление... можно подумать... что в тот момент было только две активные силы: сила революционной Франции и сила коалиции тиранов; европейские массы (*multitudes*) проявляются лишь в виде смутной и беспорядочной силы, которой владеют противоречивые склонности⁹.

Читатель сразу заметит, что существуют два радикально различных способа делать историю, равно как и два набора необсуждаемых допущений, которые особенно интересно уточнить, поскольку именно из них вытекает все прочее в написании истории. Очевидность, с которой Альбер Сорель принимает в расчет дипломатический факт и вписывает историю Франции в историю Европы, могла бы оказаться методологической оригиналь-

7. De Bainville J. Histoire de deux peuples continuée jusqu'à Hitler. Paris: Fayard, 1933.

8. Одно из главных нацистских действующих лиц объясняет одному из второстепенных свое видение истории: «Когда подданный короля, крестьянин или буржуа, становится гражданином, то есть когда государство демократизируется, в этот момент война внезапно становится тотальной и ужасной — она становится серьезной. Именно поэтому Наполеон раздавил всю Европу: не потому, что его армии были более многочисленны, и не потому, что он был более тонким стратегом, а потому что старые монархии воевали еще по старинке, ограниченными способами...» (Littell J. Les bienveillantes. Paris: Gallimard, 2006. P. 136).

9. Jaurès J. Op. cit. T. IV. Introduction. P. 12. См. также: Guillet É. Les courbes et les droites. Patience en Allemagne et impatience en France à l'époque révolutionnaire // Annales Historiques de la Révolution Française. Avril–juin 2010. № 360. P. 173–196.

ностью, если бы историк не интересовался исключительно соглашениями и общей политикой государств, не интересуясь решающей ролью возраста революций и включения населения в политическую жизнь наций — в форме общественного мнения, гражданского ополчения или участия избирателей в гражданском процессе. Преимущество, реализованное в открытости Европе, оборачивается проигрышем в методологической перспективе.

Что касается Жореса, за тридцать лет до пожелания Марка Блока и Люсьена Февра он ясно понял, что история более не может писаться, не давая слова молчаливым, немым и бессловесным революционной эпопее. Он также понимает абсолютную необходимость осмысления революционной войны в терминах гражданской войны, противопоставляя не географическое расположение стран, но геополитическую реализацию принципов свободы и деспотизма. Именно в этом и состоят два решающих методологических прорыва. Тем не менее демонстрация этих принципов происходит у Жана Жореса не без некоторых проблем. Оглавление сразу же указывает на искаженное видение Жореса, ограничивающего Европу взглядом с северо-запада континента, который повсюду обнаруживает Англию и Германию¹⁰. Как следствие, возникает весьма усеченное представление о Европе, где комплекс неполноценности перед лицом социоэкономической английской модели и мощи немецкого мышления выставляется напоказ, словно помимо его воли, в этой проекции Европы, южной границей которой становится Луара¹¹.

В этой географической пустоте на юге скрыт будущий политический и европейский проект Жореса, который не заставит себя ждать. В свою очередь, он пытается осмыслить революционную динамику абсолютно отличным от Сореля способом, работая (вопреки утверждению об освещении народного движения) над историей идей, а не государств, над историей политических теорий, которые призваны выявить в двух странах, подвергнутых исследованию, — немецких землях и Великобритании — структурные основы для положительной рецепции революционных идей.

10. Оглавление четвертого тома: I. Политическое и экономическое положение Германии; II. Немецкая мысль; III. Французская революционная экспансия; IV. Немцы с левого берега Рейна; V. Фихте и французская революция; VI. Революционная идея в Швейцарии; VII. Политическая и экономическая Англия; IX. Английская революционная мысль; X. К разрыву между Англией и Францией; XI. Английская социальная мысль (Ibid. P. 510–514).

11. Ср.: *Digeon C. La Crise allemande de la pensée française (1870–1914)*. Paris: PUF, 1959.

Именно на столетнем промежутке Жорес подчеркивает важность дилеммы революционеров перед лицом европейского вопроса:

Что плохо, так это то, что революционная Франция не предоставила свободное развитие народам, едва освободившимся от страха перед угнетателями, но вместо этого вынуждена была занять их место и действовать для них и без них по мере надобности против своей революции. Ужасная дилемма: или позволить существовать вокруг себя по-прежнему грозящему рабству, или превратить обязательную свободу в новую форму тирании. Франция искупала тем самым прекрасное и страшное преимущество, которое имела перед миром. Для нации это и слава, и опасность — опережать другие народы¹².

Жан Жорес предлагает двойственный и противоречивый взгляд: будучи социалистом, он защищает космополитическую и филантропическую идею революции; будучи патриотом, он выводит на первый план видение, изолирующее Францию на передовых позициях и вверяющее ей ответственность за образцовое исполнение революции для всех народов. Долг Франции заключается в том, чтобы нести факел свободы остальному населению континента. Как историк, Жорес указывает на ответственность бриссотинцев к началу войны в неблагоприятных условиях за то, что своими условиями они не могли не настроить большинство населения [Европы] против французской армии.

Именно на основании этих двух подходов, оформленных в конце XIX века и противостоящих методологически, возможно заново изучить реальность европейского факта для политических акторов второй половины XVIII века. Каким образом монархическая европейская реальность, пышная и родовитая, ответила на рождение и утверждение во Франции новой идеи объединения континента или его политической трансформации посредством изобретения новых акторов в качестве проводников европейской идеи: солдат-граждан, миссионеров республики, военных или гражданских лиц? И далее, нужно ли вписать этот вопрос в то, что, перефразируя Жана Николя, нужно было бы назвать «европейским мятежом»? Французская революция, в сущности, изобретает — и в этом ее оригинальность — политический универсализм, тогда как весь континент от Урала до Ирландии переживает жестокие потрясения начиная с 1770–1780-х¹³.

12. Jaurès J. Op. cit. P. 158.

13. Ср.: Révoltes et révolutions en Europe et aux Amériques, 1773–1802 / Ph. Bourdin, J.-L. Chappey (dir.). Paris: CNED/SEDES, 2004.

Европа является своим наблюдателям как географическая реальность: обсуждают ее масштаб и в особенности восточные границы, это также позволяет задаться вопросом о единстве целого, не в последнюю очередь по отношению к ее западным границам — британским островам, вопрос о которых настойчиво повторяется во многих трактатах. Европа также является в качестве политического династического пространства, в котором присутствует республиканское исключение, ограниченное, однако, небольшими пространственными единицами, в то время как революция должна воплотить руссоистское немислимое, если можно так выразиться — гигантскую республиканскую страну, кардинально меняющую традиционное соотношение сил.

Как подступиться к этой реальности Старого режима, находящейся в состоянии революционного перехода? Здесь можно наметить четыре взаимосвязанных момента. Во-первых, XVIII век формирует восприятие элитарного европейского пространства. Затем революция, проявив интерес к политическому определению населений вне зависимости от их социального или географического происхождения, меняет восприятие континента и создает новую форму европейской войны, прежде чем, в-третьих, демократические республиканцы Директории не сосредоточиваются на идее конфедерации европейских народов — проекте, так и оставшемся черновым. И наконец, прежде чем замкнуть хронологическую дугу революций и начать новый беспокойный период, XIX век раскрывается в многочисленных картинах Европы, литературном жанре, модном в 1815–1830 годах, когда становится ясно, что Старый режим более не вернуть, и не менее ясно, что республика видится опасной для европейского мира.

Таким образом, с самого начала Европа являет собой давний проект — и как наличная реальность, и как горизонт идеальности, которые смыкаются именно в попытке выработки строгой политической рамки, наилучшим образом согласующейся с этим пространством. Вопрос, неизбежный для всех мыслителей, в какой бы клетке политической шахматной доски они ни находились, заключается в том, чтобы найти действенный способ выстраивания порядка на континенте, перманентно охваченного войной, сначала в 1792 и в 1815 годах, а затем между 1914 и 1945 годом¹⁴.

14. На самом деле кажется, что только война разрушает войну, одно насилие искореняет другое, крайнее отрицание оснований европейской цивилизации во время Второй мировой войны, кажется, выстроило границу, за которой разрушенная Европа могла только восстанавливаться, но не в форме общей воли, а в форме констатации крайней слабости и обязанности собраться вместе, чтобы выжить. Констатация полного крушения европейской идеи как основания европейского строительства?

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЛА СОБОЙ ЕВРОПА ДО РЕВОЛЮЦИИ?

Книга Рене Помо «Европа Просвещения, космополитизм и европейское единство в XVIII веке» оказывается одной из самых показательных в методологическом отношении. Над устаревшим уже исследованием (вышедшим в свет в 1966 году) реет победоносный голлистский фантазм — фантазм Европы, объединенной благодаря Франции, в ее величии и культуре. Какой Европы? В действительности — лишь мизерного меньшинства (активных граждан республики), чаще всего светского, образованного, просыпающегося на следующий день после революции с ностальгией по тому, что было и чего больше нет. Эта Франция-Европа воплощается в таких странных персонажах, как, например, князь де Линь...¹⁵ Книга прослеживает различные проекты, сформированные во Франции вслед за произведениями аббата Сен-Пьера, согласно которому, если Азия и Африка являются континентами без единства, Европа, напротив, содержит в себе реальное общество, общую историю и культуру ценностей и языков, таких как латынь и французский. Как и в Средневековье, и в эпоху Возрождения, разделяемое, «перемещаемое» знание является тем носителем европейского единства, той производящей иллюзией связи, которая заново связывает пространство в совокупность разделяемых соответствий. Все знания, как, например, естественные науки, проходят европеизацию в ученых спорах между Линнеем, Бюффеном, Нидхемом, Бонне, Галлером или Спалланцани, которые продолжают и в конце века¹⁶. Знания распространяются и обсуждаются новыми акторами, путешественниками Гран-тур, посещающими известные университеты Голландии (Лейден), Германии (Берлин и Лейпциг, Тюбинген), Италии, Милана, Болоньи, Неаполя, Франции (Монпелье, Сорбонна)¹⁷.

Светское общество принимает мир знаний, создавая особый тип связей, а именно академии, собирающие ученых, людей чести, часто связанных между собой через масонские ложи, кото-

Никто не мог вообразить в XVIII веке строительство Европы как вынужденную меру из-за крушения ее идеалов.

15. *Pomeau R.* L'Europe des Lumières, cosmopolitisme et unité européenne au XVIIIe siècle. Paris: Stock, 1966.
16. *Lacour P.-Y.* La République naturaliste. Les collections françaises d'histoire naturelle sous la Révolution. 1789–1804. Paris: Éditions du CTHS, 1990.
17. *Black J.* The Grand Tour in the Eighteenth Century. Stroud, 1992. P. 7–13; *Bertrand G.* Le grand tour revisité pour une archéologie du tourisme: le voyage des Français en Italie, milieu du XVIIIe siècle — début du XIXe siècle // Collection de L'École française de Rome. 2008. P. 398, Ch. 10 «L'affirmation des hommes de science». P. 399–429.

рые образуют своего рода отражение видимой части этой карты больших ученых европейских городов¹⁸. Таким образом, Европа начинается вне какой-либо институциональной структуры, через игру разума, через «состояние духа», как пишет Рене Помо.

Внезапное сомнение пронизывает прозу автора: Европа предлагает несомненность интеллекта, но какова ее конкретная реальность?

Рассказы путешественников свидетельствуют об одном факте: о перемещениях по Европе в «хорошей компании». Какой? Очевидно той, что описывает аббат Прево словами своего английского философа Кливленда: «Собственно французов во Франции (включая граждан, достойных стать европейцами) лишь малое число — из тех, что стоят во главе и которые отличаются от тех, кого зовут народом»¹⁹.

Держась хорошей компании, говорит барон Честерфильд, станешь больше, чем европейцем, станешь «гражданином мира», проще говоря, жителем из ниоткуда или, скорее, избранным гражданином позолоченного общественного сектора привилегированных классов, искренне уверенных в том (хотя, по сути, и они могут ошибаться), что именно они воплощают сознание Европы или по меньшей мере сообщают ей самую весомую реальность²⁰.

А как же подавляющее большинство народов Европы? Они не считаются или, скорее, они никак не проявляются, поскольку не способны почувствовать эту надмонархическую истину, живя в своем мире, ограниченном приходом?..²¹ Европа — это

18. *Beaurepaire P.-Y.* L'Espace des francs-maçons. Une sociabilité européenne au XVIIIe siècle. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2003.

19. *Poteau R.* Op. cit. P. 182, а также недавнюю работу: *Beaurepaire P.-Y.* Le Mythe de l'Europe française au XVIIIe siècle. Diplomatie, culture et sociabilités au temps des Lumières. Paris: Autrement, 2007.

20. Конечно же, в этом вступлении нужно было бы попытаться поразмышлять на разных уровнях оценки того, чем является Европа в системах репрезентации тех, кто о ней говорит, между их географическим опытом путешествий, например, открытым для широких просторов и микрокосма салонов, где строится Европа слов. Ср.: *Lilti A.* Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris: Fayard, 2005.

21. Конечно, нужно бы нюансировать это утверждение и по регионам, самые бедные могут попутешествовать и в свою очередь распространять идеи. Это гипотеза книги Маркуса Редикера и Питера Лайнбоу (*Rediker M., Linebaugh P.* L'hydre aux mille têtes, l'histoire cachée de l'atlantique révolutionnaire. Paris: Éditions Amsterdam, [2001] 2008, которая показывает, насколько портовые города испытали смешение населения и движения протеста, вызванные этими постоянно путешествующими, постоянно конфликтующими с властями людьми.

аристократия мысли и превосходство, даруемое путешествием. Иными словами, привилегия.

В этих условиях космополитизм Просвещения, вовсе не готовая революция, мог создать такое чувство принадлежности, отягченное социальным консерватизмом, которое революционные десятилетия конца века должны были потрясти. Подобно признанию, князь де Линь становится аллегорией этого смещенного европеизма. Не то чтобы князь империи из-за своего бельгийского, французского, австрийского, русского, польского, венгерского и фламандского происхождения не мог претендовать на звание европейца, просто он представлял собой не что иное, как самого себя, в либертарном аристократизме, неспособный помыслить для начала нацию, а затем суверенитет большего числа [наций] в качестве первого акта осознания политической конструкции, доказывающей несостоятельность границ, установленных в течение многих веков династической дипломатии²². Одновременно с этой европейской игрой высшего общества выстраивается целая система политической мысли, делающая из Европы пространство, размеченное для будущего строительства по методу политических наук. Политическая литература создается между размышлениями о прежних моделях и изысканиями о грядущей Европе. Нужно упомянуть несколько заглавий, комментируемых специалистами по политическим конституциям: «Эссе о настоящем и будущем мире Европы (1692–1694)» (*Essay towards the present and future peace of Europe [1692–1694]*) аббата Сен-Пьера и его «Проект вечного мира (1712)» (*Projet de paix perpétuelle*), проект «Общего умиротворения, совмещенного с кратким перемирием между всеми политическими державами» (*Pacification générale combinée par une suspension d'armes entre toutes les puissances politiques*) Анжа Гудара (*Ange Goudar*) (1757)²³.

В середине века Монтескье, великий наблюдатель за формами европейской власти и в особенности за модусом функционирования Англии, задумывается над необходимыми изменениями европейских органов власти и над тем, как ввести ограничение на правительства континента с целью их интеграции в процесс цивилизации, которая спасет их от склонности к деспотизму, свойственному всякой короне²⁴. Руссо вносит важный

22. Pomeau R. Op. cit. P. 184; Bell D. The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism, 1680–1800. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001.

23. Ср.: Sabbagh D. William Penn et l'Abbé de Saint-Pierre: Le chaînon manquant // Revue de synthèse. Janvier-mars 1997. Vol. 118. P. 83–105; Goyard-Fabre S. La Construction de la paix ou le Travail de Sisyphe. Paris: Vrin, 1994.

24. Spector C. Montesquieu: liberté, droit et histoire. Paris: Michalon, 2010; *Idem*. Montesquieu. Pouvoirs, richesses et sociétés. Paris: Hermann, 2011.

вклад в эти дебаты, связывающие европейскую мысль и строительство мира. После войны за американскую независимость публикуются новые проекты: «Проект высшей блюстительной власти, управляемой великими державами Европы (1982)» (*Projet de haut pouvoir conservateur dirigé par les grandes puissances de l'Europe*), «Новое эссе» (*Nouvel Essai*) Палье де Сен-Жермен (1788), «Принципы международного права» (*Principes of international law*) Бентама (1788), после того как Кант, в свою очередь, предлагает идею европейского строительства, гарантированного поисками мира²⁵. Ранее Руссо уже переосмыслил радикально новым способом неизбежность войны и необходимость объединения Европы, выстроенной не на успокаивающей идее грядущего умиротворения, но на правовом договоре, способном ограничить и изолировать конфликты, какой бы ни была форма внутренней политики европейских стран²⁶. Явно высказанная идея заключается не столько в сближении, сколько в поиске долгосрочного мира между странами... Но два факта перевернут этот расклад: Семилетняя война и раздел Польши.

Мир в целом и европейский мир в частности выйдут потрясенными из этой Первой мировой войны, которая известна нам как Семилетняя война²⁷. Континент испытал глубокие дипломатические перемены начиная с 1770-х. Насилие, совершенное над Польшей в 1772 году, во время ее первого раздела, надолго нарушило систему равновесия, которая до того момента была приемлемой. Просвещенное мнение принимает сторону Польши и ее народа, критикуя радикализацию дипломатических насильственных мер государств в их отказе принимать населения в расчет в современной игре международных отношений²⁸.

С тех пор континент сотрясали движения протеста, восстания, мятежи, бунты, столкновения, создавшие динамику, подобную той, что в течение предыдущих веков вызвало подавление религиозных меньшинств и которая приводит к миграции меньшинств, на сей раз меньшинств политических. Ее последствия скажутся не сразу, но будут, несомненно, разрушительны для действующей власти. Следуя той же линии, протестанты XVIII века продолжают доказывать свою способность выступать акторами разрушения либо считаться таковыми, умея переме-

25. Ср.: *Belissa M. Fraternité universelle et intérêt national (1713–1795) les cosmopolitiques du droit des gens. Paris: Kimé, 1998.*

26. *Rousseau J.-J. Principes du droit de la guerre. Écrits sur la paix perpétuelle / B. Bachofen, C. Spector (dir.). Paris: Vrin, 2008.*

27. См.: *Serna P. Comment penser la guerre totale sans la réduire à une guerre totalement française?.. URL: <http://ihrf.univ-paris1.fr/spip.php?article320>.*

28. *Belissa M. Les Lumières, le premier partage de la Pologne et le «système politique» de l'Europe // Annales Historiques de la Révolution française. 2009. № 356.*

щаться из одного пространства в другое в зависимости от того, действует ли цензура или политика примирения²⁹. Парадоксальным образом можно было бы сказать, что именно политика запрета способствовала строительству Европы как расширяющейся и хорошо управляемой зоны безопасности для целой республики ученых, умеющих настроить законные или незаконные сети для распространения в том или ином месте информации — здесь разрушительной, там банальной³⁰.

Политическая диаспора перемещается из страны в страну начиная с 1780-х. Она постепенно внушает тут и там новые принципы, формы протеста, надмонархическое сознание принадлежности к бунтующей Европе, Европе свободных людей, Европе повстанцев, не подчиняющихся властям, которые они считают деспотическими. Политическая ссылка «изобретает» космополитичную Европу, борющуюся, сильно политизированную, мысленно избавившуюся от понятия границы — самую страшную угрозу королевствам³¹. В каждой стране нежелательные лица изгоняются; итальянцы вместе с голландцами, швейцарцы, ирландцы, равно как и французы (здесь можно вспомнить Мирабо), в конечном итоге создают международную европейскую организацию свержения королей. Возникает что-то вроде космополитического патриотизма, которому швейцарец Франсуа д'Ивернуа придумал девиз: *Ubi libertas, ibi patria* («Где свобода, там и родина»). На что ему ответил Томас Пейн в письме Франклину: *Where liberty is not, there is my country* («Там, где нет свободы, там моя родина»). Что, несмотря на внешнюю разницу, выражает, по сути, одно и то же желание мыслить гражданство в перспективе политического проекта, учреждаемого скорее императивом свободы, нежели зависимостью от корней, происхождения, привязывающих к миру традиции.

Та же самая логика политического бегства будет будоражить в обратном направлении дороги континента. После 1789 года эмигранты бегут с территории королевства Франции, находя убежище у европейской аристократии, подтверждая идею о том, что Европа не может сводиться к новой идее, а является пространством убежища для контрреволюции, противовесом потрясенной Франции, естественным отступлением для борьбы против французского очага. Европа превращается в гибридную

29. Bost H. Lumières et refuge huguenot. Sur les itinéraires intellectuels de Bayle et de La Baumelle // Christianisme et Lumières. 2002. № 34. P. 190–200, 57–92.

30. Tortarolo E. La censura nel secolo dei Lumi, una visione internazionale. Torino: Utet, 2011.

31. Rao A. M. Esuli: l'emigrazione politica italiana in Francia (1792–1802). Napoli: Guida editore, 1993.

действительность, которую можно описать как через ее динамику протеста, распространяемую за пределы Франции, так и через контрреволюционное пространство, настроенное против Франции³².

После 1789 года революционеры, утвердившие суверенитет народа, должны придумать новую дипломатию и занять позицию в европейском пространстве. Именно в этом и заключается дилемма революции перед лицом Европы. Как сохранить верность космополитизму Декларации прав и свобод человека и гражданина (август 1789 года) и Декларации мира во всем мире (май 1790 года), признавая при этом неизбежную экспансию революции, рискуя создать напряжение и конфликты с соседними державами?

БРИССО, ДВИЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ К ЕВРОПЕ

Бриссо — это актер двух миров: англофил, американофил, друг черных и в то же время гражданин Европы, если он заслуживает, чтобы его так называли, вспоминая о его позиции в момент, когда мирное видение республики было разрушено и он согласился на военный конфликт с королем Богемии и Венгрии³³. Его речь, произнесенная 20 октября 1791 года в Законодательной ассамблее, включена в № 803 от 22 октября его газеты «Французский патриот». Журналист и оратор специально останавливается на ситуации в Европе. Он упоминает дружественные народы, права наций, необходимость ни в коей мере не посягать на их независимость, как если бы Франция должна была прочувствовать новую ответственность перед Европой. Страна, охваченная революцией, становится политическим зрелищем для Европы, и перед лицом постоянных угроз, несомых принцами, она должна принять на себя новое руководство на континенте и не бояться представить себе войну нового типа.

Да, когда немцы, стонущие под игом курфюрстов, увидят французскую армию, разворачивающую трехцветный флаг, когда они увидят, что она защищает, а не разоряет их собственность, приобретает провиант, а не разграбляет его, нападает только на тех, кто хочет защищать повстанцев. <...> Когда они увидят, что

32. Rance K. L'émigration nobiliaire française en Allemagne: une «migration de main-tien» (1789–1815) // Genèses. 1998. Vol. 30. № 30. P. 5–29.

33. Penigault-Duhet P. M. Imlay, Brissot et le voyage d'Amérique // Le voyage en Angleterre au XVIIIe siècle. Paris, 1984.

французы обеспокоены лишь их счастьем и их свободой... тогда немцы благословят их... и образуется нежное братство...³⁴

Бриссо воображает новый тип войны, осознавая при этом, что то, как поведут себя военные, будет решающим для судеб войны, возлагая на цивилизность солдат-граждан судьбу революции. Напрасная надежда для всех грядущих войн...

Другая речь, произнесенная 30 декабря 1791 года перед якобинцами, напечатана в № 885 «Французского патриота» от 12 января 1791 года. Речь-статья открывает новые пути для понимания той Европы, которую воображает Бриссо. Он предусматривает муниципализацию как самый эффективный вектор революционной экспансии, в чем отражаются текущие на тот момент дебаты в клубе якобинцев, придавая им особую выразительность. Бриссо переносит на континент то, что обеспечило победу революции, — начатую в 1790 году коммунальную децентрализацию общественного порядка, политического порядка, таким образом, что самые трезвомыслящие контрреволюционеры смогли в этом почувствовать главную инициативу депутатов Учредительного собрания, предпринятую с целью обновительного переворота страны³⁵. Эти европейские коммуны руководствовались бы деятельным федеративным принципом. Несколькими строками ниже, уже как очевидность, подано рассуждение, где Франция сравнивается с Соединенными Штатами Америки. На обеих странах лежит ответственность за то, чтобы произвести глубокий переворот на своих континентах, действуя подобно рычагам. Экспансионизм и федерализм уже заметны в тексте Бриссо, в этом наброске революционизированной Европы, представленной как будущее объединенных государств, как уникальная возможность, которую нельзя упустить.

Оригинальная идея Бриссо заключается именно в революции Европы, которая должна свершиться не через верхи, не путем государственного переворота, но через расширение местной демократии, муниципализацию европейского пространства. Таково типичное видение депутатов Законодательного собрания, которые на локальном примере могли наблюдать между делом в 1789–1791 годах масштаб изменений, обеспеченных законами конца 1789 года, до глубины изменивших управление страной

34. Discours de Brissot à l'Assemblée du 20 octobre 1791 // Archives parlementaires. T. XXXIV. P. 298–324.

35. Речь Бриссо перед якобинцами 30 декабря 1791 года: *J. P. Brissot*, Discours sur la nécessité de faire la guerre aux princes allemands // *Patriote Français*. n° 885. 12 janvier 1792. См. также: *Ozouf-Marignier M.-V.* La formation des départements, la représentation du territoire français à la fin du XVIIIe siècle. Paris: EHESS, 1992.

благодаря изобретению партисипативной муниципализации. Поражение бриссотнцев-жирондистов, необходимость для монтаньяров основать военную республику, не оставляя при этом вопрос о революционной экспансии, но вынужденных справляться с совместным натиском сил коалиции, — все это оставляет мало возможностей для осмысления условий, которые делают возможной федеративную, конфедеративную Европу, вплоть до Европы, объединенной по французскому республиканскому образцу.

После пароксизма революционного правительства придется ждать появления Директории, чтобы увидеть, как европейская версия республиканской идеи получает конкретное развитие.

ДИРЕКТОРИЯ, ИЛИ ИЗОБРЕТЕНИЕ ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ЕВРОПЫ

Именно Директория, несомненно, в ее различных вариантах, с ее падениями и взлетами, станет носителем проекта Бриссо, представляющего собой конституционное расширение республиканской модели³⁶. Нужно снова напомнить, что республики-сестры, соединенные с материнской республикой, были не рождением волеизъявления членов Директории, озабоченных, скорее, строительством традиционных дипломатических отношений, а, напротив, итогом деятельности молодых республиканских генералов-демиургов государственного строительства, начавшегося в Париже. Последние исследования смогли также показать, что эти республики-сестры не только находились под единым господством Франции, но и искали свой республиканский путь, не отказываясь от поиска собственной автономии перед лицом вынужденного и громоздкого французского союзника³⁷. Два текста среди прочих могут проиллюстрировать это новое положение Франции в строящейся республиканской Европе.

Эшасерье, старший, депутат Совета пятисот, прекрасно понимает новое положение Франции перед лицом Европы. Он полагает, что Франция ответственна за строительство уравновешенной системы, с опорой на защиту своих естественных границ. Так, в своем труде «Интересы французской республики

36. *Palmer R.* 1789: Les révolutions de la liberté et de l'égalité. Paris: Calmann-Lévy, 1968. Эта книга остается выдающимся трудом для понимания международного измерения французской революции.

37. *De Francesco A.* 1799: Una storia d'Italia. Milan: Guerini e associati, 2004; *Jordan A.* La révolution batave, entre la France et l'Amérique (1795–1806). Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2008.

и всех держав Европы» (*Intérêts de la république française et de toutes les puissances de l'Europe*), напечатанном в плювиозе месяце IV года республики, он защищает идею поддержания нового европейского равновесия. Франция должна выстроить мир и на постоянной основе соединить его со своим республиканским режимом, который воспринимается как виновник войны. Речь идет о том, чтобы показать всей Европе: это правительство может идти рука об руку с долгосрочным миром, иллюстрируя возможное будущее Европы. «Это центральный момент нового равновесия, к которому должен прийти политический баланс Европы, ось, вокруг которой он должен вращаться; в конце концов именно на поддержании мощи французской республики зиждутся общее спокойствие народов и система общего поддержания мира»³⁸. Республика отныне не является чрезвычайным правительством: она основывается на прочной конституции и становится признанным фактом в самой большой и густонаселенной стране Европы. Желать для Франции иной ситуации было бы равносильно бесконечному продлению убийственно-го конфликта. Идея продвигается вперед через постепенную трансформацию Европы посредством мира, а не сложного равновесия переговоров между правящими семьями — мира, структурно связанного с типом режима, в данном случае республиканского, этим синонимом возрожденной и более прозрачной дипломатии³⁹. Такое положение вещей приводит к изобличению двух стран, держащих континент в состоянии войны, — Австрии и Англии, — выставляемых в качестве великих нарушителей возможного европейского равновесия. Снова для французских республиканцев пример Польши становится отправной точкой процесса, погрузившего континент в «ситуацию самого жестокого насилия, в которой она (Европа) оказалась с момента вторжения северных народов... поскольку политическое равновесие Европы было целиком и полностью разрушено вторжением в Польшу, каковое призвано вдохновить Францию на поддержание равновесия в Европе»⁴⁰. Для Эшасерье Франция ответственна за мир, ее модель ни в коем случае не является моделью войны, ведущейся по воле республиканского экспансионизма. Весь французский дипломатический аппарат должен стремиться к этой цели. Нужно еще справиться с Англией на морях и Австрией на континенте, которыми в данный момент мир

38. Eschassériaux aîné, *Des intérêts de la république française et de toutes les puissances de l'Europe*, Paris, Éditions de l'imprimerie nationale, Pluviôse an IV.

39. *Belissa M. Repenser l'ordre européen. (1795–1802). De la société des rois aux droits des nations*. Paris: Kimé, 2006.

40. Eschassériaux... P. 12–14.

никак не нужен. «Они сейчас говорят, что французское правительство несовместимо с правительством и спокойствием других народов, в то время как природа французской конституции призывает к дружбе и союзу французского народа с другими нациями»⁴¹.

Этот анализ дополняется немецким дипломатом, который стал французом, потомком протестантской диаспоры, Шарлем Терменом, автором «Внутренней ситуации республики» (*Situation interne de la République*)⁴². Будучи французским гражданином, сыном протестанта, покинувшего Францию по религиозным мотивам, автор понимает, что политика реформ и революций изменила правительства Европы. Одно из решений по восстановлению мира в Европе — это появление нового класса правителей, новой республики, восстановленной образованными людьми, которые должны управлять разными странами, связанными совместными интересами. Увлеченный оптимистичным космополитизмом, Термен доходит до того, что приравнивает проект конституции III года республики к проекту участия французов в улучшении правительства Европы. Его идея основывается на вере в конституцию, которая

... будет руководить республиканским воспитанием народа, и что из молодых граждан образуется отдельный класс, который будет руководить общественными делами благодаря красноречию и навыкам управления и который никогда более не станет кастой, поскольку они будут выбраны из семей всех граждан, что будет самым надежным для государства. <...> Они не класс, но элита нации⁴³.

Другая идея текста состоит в том, чтобы перевернуть геополитическое представительство Европы в сравнении с теми контурами, которые могут сообщить ему кампании Италии и Германии. Французское правительство должно отринуть «эту ограниченную дипломатию, мелкую в своих средствах и достойную Старого режима», которая ограничивает его на континенте под властью Англии. Нужно с этим покончить, и, чтобы править на европейском континенте, следует посметь бросить вызов Англии на территории, где она чувствует себя лучше всего, — в океанах. Так Термен представляет себе низвержение и любовую

41. Ibid. P. 15.

42. Мы обязаны Эндрю Джейнчилу глубоким анализом произведения Термена в: *Jainchill A. Reimagining Politics after The Terror. The Republican Origins of French Liberalism*. Ithaca; L.: Cornell University Press, 2008. P. 141–196. «A Republican Empire? Debate and Expansion», 1794–1799.

43. *Théremin Ch. De la situation intérieure de la république*. Paris: Chez Maradan et Desenne, Pluviôse an V. P. 59.

победу над коварным Альбионом, морскую победу, за которой должна последовать морская политика, никогда не внедрявшаяся ранее: «После этой победы необходимо, чтобы Франция стала полностью морской державой».

Конечно же, автор грезит наяву, если полагает, что Франция способна свергнуть талассократическую Великобританию в 1797 году (или даже в любой другой момент истории...). Но текст представляет интерес не в этом, а в четком осознании, что судьба европейского континента решается в ином месте, нежели в его пространстве, в его торговом, даже мировом продолжении — в далеких морях. Модернист Термен понимает новый стратегический расклад для континента, ставшего одним из центров мировой торговли и деятельности, который может обрести мир только в самой регуляции торговли, устанавливая равновесие между торговыми державами во всем мире. Позволить английской державе развиваться в мировую колониальную империю означает просто-напросто сделать невозможной европейскую республику. Проницательность дипломата становится здесь интересной, поскольку он связывает республиканскую судьбу и политику континента с экономическим и торговым становлением Британской империи. В этом заключается та ясность, с которой четко ставится вопрос о невозможности и новых формах конфронтации двух держав, дающий ей новый смысл⁴⁴.

Как столь тонкий дипломат может надеяться на то, что Франция нагонит свое отставание на море? Об этом не сказано ничего, но он полагает, что, если Франция обратится к морю, европейские страны будут спокойны, а торговля претерпит перемены:

Это будет эпоха торговой системы и соблюдения мира, установленного в Европе, которой так боится Англия. <...> Я осмелюсь даже сказать, что та эпоха, когда Франция обратится главным образом к морю, станет настолько же важной политической революцией в Европе, как и та, что установила новые принципы свободы⁴⁵.

Это замечание Термена содержит в себе наблюдение нового геополитического характера, который ясно очерчивают войны конца XVIII века. Судьба Европы решается на Атлантике как стратегическом продолжении континента. Европа находится «в чужих

44. На самом деле Англия и Франция продолжают, совершенно по-разному, старый конфликт. См.: *Cheney P. Revolutionary Commerce. Globalization and the French Monarchy.* Cambridge: Harvard Press, 2010.

45. «Поскольку это невозможно, то нужно задаться вопросом, почему именно Англия одерживает верх, притом что Франция имеет сухопутное, а Англия — морское преимущество; это потому, заключает Термен, что море важнее для господства в Европе» (Ibid. P. 69–70).

краях» при ясном понимании колониальных масштабов этого факта как запрограммированного расширения Европы в мире, ставящего при этом новые проблемы для будущих десятилетий.

Намеченное решение для изобретения республиканского мира в Европе путем формирования правительств просвещенных экспертов и гарантии в морях, лежит в самом сердце произведения Барера «Свобода морей» (*La liberté des mers*), которое опубликовано в следующем году. И это еще один знак оживленности дебатов в период второй Директории о возможном строительстве новых геополитических моделей и республиканском управлении возможной Европой⁴⁶.

За известной англофобией Барера и его постоянным изобличением островной модели как несовместимой с интересами континента стоит предложение навязать право свободной торговли как средство воссоединения европейцев. Право народов становится фундаментом, на котором нужно представить себе европейский суверенитет как новую политическую систему.

В самом чистом и утопическом стиле Просвещения, основанном при этом на опыте члена Конвента, Барер представляет себе следующим образом суд над преступлениями английского правительства:

Наступит ли день, подчиненный декретам, подготовленный большой европейской ассамблеей, собравшейся в центре, куда каждый народ, государство, держава или правительство отправят своих депутатов?

Почему бы не вообразить ассамблею европейских представителей, как мы видим ассамблеи депутатов Германской империи и ассамблею представителей Франции? Там была бы торжественно принесена присяга всеми правительствами, всеми континентальными народами — присяга ненависти морской тирании, верности свободе торговли и морей!⁴⁷

Далее, на время оставив в стороне свою антибританскую ярость, Барер более позитивно размышляет о возможности распространения конституционного правительства по всему континенту:

Это проблема, которую нужно решить в Европе после распада морского деспотизма англичан для нахождения формы объединения, которое защитит и обеспечит каждую нацию силой всех морских прав каждой из них, неукоснительным соблюдением прав людей и строгим выполнением договоров. <...> Не хватает соглашения об общей навигации, основанной на естественном праве, на праве людей и на общественном праве в Европе.

46. *Barère B. La liberté des mers ou le gouvernement anglais dévoilé. En 2 vol. Venteuse an VI.*

47. *Ibid. Ch. XXV. Т. II. P. 287–297.*

<...> Мы выгравировали бы там свободу морей, освобождение торговли и промышленности, всеобщую отмену торговли черными, продажи и рабства людей, запрет на каперство, наказание пиратства, и общественное морское право стало бы, наконец, стандартным и закрепленным всеми собравшимися нациями. Необходимо, чтобы эта декларация прав наций опиралась на европейский пакт, который военным путем организовал бы на земле и на море защиту и поддержание этих прав⁴⁸.

Основополагающие принципы революции 1789 года реализованы в перспективе европейского союза естественных прав, переведенных в позитивные права посредством изменения действующих конституций, в утверждении принципов социальной справедливости на уровне государств, которые мыслятся через справедливую и равноправную торговлю, связанную с отменой рабства, и все вместе — в системе хорошо продуманной самозащиты, поскольку все силы, составляющие пакт взаимной защиты, дали на него свое согласие. И это уже больше, чем набросок, это план европейского объединения.

Несколько месяцев спустя, в VII год, группа республиканцев-демократов Директории, кто осознал опасности, нависшие над республиками-сестрами, и выступал против любой хищнической политики Директории, не пожелавшей даже признать неаполитанскую республику, выстраивает проект, ставящий своей целью лишь заявление о намерениях. На деле отступление французских войск на всех фронтах в начале лета 1799 года делает иллюзорной всякую конфедеративную организацию Европы на основе признания полной независимости республик-сестер.

«Присвоив» войну, исполнительная власть сделала ее своей.

Война, которую мы поддерживаем, — продолжает редактор в вандемьере VII года, — перестала быть щедрой войной народа и свободы и превратилась из-за расчета деспотичной и пожирающей политики в узурпаторский грабёж, служащий лишь тому, чтобы восстановить народы против нас самих и недавно освобожденных народов⁴⁹.

В брюмере диагноз становится еще более беспощадным:

Великая нация, как ее именовала Европа, кажется, вдруг исчезла при двойном исполнении своих политических прав и пользовании своих гражданских прав, чтобы уступить место маленькой горстке воров, головорезов, интриганов и предателей...⁵⁰

48. Ibid. L. VIII. Ch. XI. T. III. P. 294–296; L. VIII. Ch. XXIX. T. III. P. 381–385.

49. Journal des Hommes libres. 15 vendémiaire an VII (6 octobre 1798). № 34.

50. Ibid. 5 brumaire An VII (26 octobre 1798). № 1. P. 4.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ ЧЕРЕЗ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ?

Предполагаемая возможность европейского единения развивалась не только во Франции: у нее были свои адепты и в Италии, особенно в лице Де Гальди, патриота, известного по труду, переведенному и опубликованному в 1798 году⁵¹. В нем Гальди призывает к объединению республик-сестер вокруг Франции, Голландии и Италии. Как и в ранее цитировавшихся французских текстах, речь идет о том, чтобы найти такие основы международного права, которые могли бы гарантировать независимость стран и их равенство в поиске постоянного мира, чтобы приблизить их — черта оригинальная, но в целом вполне логичная — к республике Соединенных Штатов. Провозгласив это, Гальди развивает новую идею неравновесия европейской истории с того момента, как континент оказался под игом северных народов. [Согласно ему,] на юге Европы существовала политическая цивилизация, ориентированная на республиканскую идею, которую нужно восстановить и заново оживить. Италия и Франция несут эту ответственность перед другими нациями⁵².

Ареопаг на Корсике, острове как французском, так и итальянском, наделяется миссией установить новый кодекс «дипломатии свободных наций». Вместе с этим средиземноморским проектом появляется новое расширение концепта атлантической революции, мало известное во Франции⁵³. Таким образом, французы и итальянцы несут ответственность за новое дипломатическое строительство. Неаполитанский якобинец Матео Гальди предлагал, чтобы освобождение от налогов портов Италии и возрожденной Франции, портов их колоний, стало одной из первых статей федеративного акта. Они не будут платить ни за какие права, какой бы товар они ни ввозили или продавали. Пусть будет под запретом любой неприемлемый или наносящий ущерб свободе закон, и даже не только во взаимном сообщении двух стран в их морской торговле: пусть они поль-

51. Discours sur les rapports politiques et économiques de l'Italie libre avec la France et les autres états de l'Europe, traduit de l'Italien par Couret de Villeneuve, de la société libre des sciences lettres et arts de Paris, et de celle d'institution de la même commune. Paris, chez Baudouin imprimeur du corps législatif, 15 pluviôse an VI.

52. Ср.: Droit des gens et relations entre les peuples dans l'espace méditerranéen autour de la Révolution française / M. Dorigny, R. Tilli Sellaouti (dir.). Paris: SER, 2007.

53. См. также: Rao A. M. La méditerranée, une frontière? le cas de Naples au XVIIIe siècle // Revue internationale d'études du Dix-huitième siècle (RIEDS).

зуются этой самой свободой и во внутреннем передвижении творений природы и искусств. Наконец, Гальди предлагал основать «лигу свободы»: возникновение этой лиги продиктовано спокойствием Европы, его требует человечество! Голландия, Испания, Франция, Италия и Оттоманская империя должны войти в эту лигу. Пусть Испания и Оттоманская империя не являются республиками, но они станут лучше, если вступят в торговлю свободных людей, они станут похожи на республиканскую Европу благодаря этой просвещенной торговле.

Здесь происходит решающий теоретический скачок в истории идей. Он доказывает стремление патриотов и тем самым левого крыла европейского движения основать (в уважении к республикам, возрожденным национальными государствами) сначала европейскую федерацию, имеющую очевидные связи с федерацией Северной Америки, молодой американской республикой, чтобы затем основать единство, политически связанное теми же принципами свободы, построенное на равноправной торговле, регулируемой международными соглашениями, способными, и это главное, интегрировать монархии, которые спокойная торговля, основанная на праве народов, со временем трансформирует. Начиная с исторического ядра старых и средиземноморских республик, распространяющихся затем на европейские республиканские нации, разве речь не идет об основаниях континентальной республики, которая описана, замыслена и специально выстроена против английской либеральной талассократии всемирного характера?

Эта идея восстановления республиканской идеи на юге Европы весьма оригинальна и разрывает с доминирующей культурой, которая в полной мере унаследована от Просвещения⁵⁴. Чего только не писали в течение всего века о превосходстве английской модели с социальной, экономической и политической точек зрения, чего только не публиковали о военной модели, придуманной в Пруссии, чего только не говорили о ветре реформ, сотрясавшем грозную, но изменившуюся великую Россию! И как только не комментировали декаданс юга вместе с Испанией и ее инквизицией, Италией под пятой упаднических папских государств или городов-государств, являющих не более чем тень самих себя, подобно Венеции! Это был признанный факт, что возрождение придет с севера или северо-востока и потрясет деспотический юг, погрузившийся во тьму католического фанатизма на стыке с магометанством. Но дипло-

54. Ср.: *Bouyssi M., Cuoco V. Des origines politiques du XIXe siècle. Publications de la Sorbonne, 2008; De Francesco A., Cuoco V. Introduction // Platone in Italia. Laterza, 2006.*

матическое предложение Гальди переворачивает этот расклад спасительным образом, изменяя вращающую ось «варварства». А что если пространство мрачного насилия находилось на севере? А что если революция помогла разделаться с этим клеймящим представлением о юге и его недостатках?

Английская модель становится как-то сразу не столь привлекательной с ее восстаниями в 1797 году, жестоким подавлением Ирландии и нищетой, заметной уже и в больших городах. Милитаризованная и феодальная Пруссия, деспотичная Россия становятся менее завораживающими и отныне все чаще рассматриваются как носители идей, способных определять будущее. Политическое и концептуальное окно открывается для будущего Европы, объединения средиземноморских народов с Голландией. Концепт цивилизации смещается с севера на юг. Сердце Европы находит свои истоки в Средиземноморье, как будто бы спасшемся от рождения хаотического и жестокого либерального мира на севере. Смешавшиеся республики и королевства, христиане и мусульмане вместе, объединенные надеждой республиканского возрождения Средиземноморья, — утопическая идея будущего?.. Но этой надежде не позволяют воплотиться прежде всего конечный результат экспедиции в Египет, французское морское бессилие после Трафальгара, дипломатические условия по итогам Венского конгресса и временное поражение республиканских идей, несмотря на легионы добровольцев, прибывшие в Грецию в начале XIX века, чтобы пережить возрождение республики.

Основания европейского единства были заложены, но Бонапарт навязывает ему форму имперской республики, блокируя все возможности для конфедерации, задуманной как республика соединенных государств Европы.

Что же стало с республиканскими идеями, когда имперские войны пресекли любые попытки строительства общего образования, вместо республик-сестер придумав королевства братьев? Что стало с республиканской идеей 15 лет спустя, во время Реставрации?

Демократ по имени Ригомер Базен иллюстрирует раздор, который идея Европы вызвала в тот момент, когда в октябре 1814 года он комментировал произведение Сен-Симона и Тьера «О реорганизации европейского общества или о необходимости и средствах собирания народов Европы в одно политическое тело с сохранением национальной независимости» (*De la réorganisation de la société européenne, ou de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples d'Europe en un seul corps politique en conservant son indépendance nationale*). Идея парламентского правительства, способного навязать свои взгляды, чья функция за-

ключается во всевозможном распространении европейской торговли, заключалась в том, что мир был бы целью и задачей процветания «народа, всей европейской расы, стоящей выше всех других человеческих рас, — вот предприятие, над которым европейский парламент должен постоянно заставлять трудиться Европу...». Европа прочно строилась на англо-французском правлении и эксплуатации мира, на искажении идеи конфедерации, ориентированной демократически и республикански.

Это объясняет, почему тот, кто был демократом в 1799 году, постоянно противостоял Наполеону, восстает против этого меркантильного видения Европы, против всемогущего парламента, противодействующего национальному волеизъявлению, публикуя серию текстов в январе 1815 года под заглавием «Перспектива и свободные размышления над трудами и делами эпохи, сборник, опубликованный г-ном Ригомером Базеном» (*Le coup d'œil et réflexions libres sur les écrits et les affaires du temps, recueil publié par M. Rigomer Bazin*). Здесь речь идет о том, что «представить себе преобразование Европы в единое тело, где единый парламент был бы головой, — значит советовать нациям отделяться, наконец, от тягостного права распоряжаться своим умом и волей»⁵⁵.

С редкой остротой республиканец-демократ указывает на противоречие в европейской конструкции, раздираемой между императивом создания торгового пространства мирового назначения и политическим отказом принять умиротворение континента путем эксплуатации других континентов или даже формирующегося рабочего класса. Поставленный таким образом вопрос о либеральном противоречии в европейской конструкции переносит вопрос о Европе в нашу современность и оставляет позади старые проекты вечного мира, затрагивая гражданские и классовые войны, широкомасштабную колонизацию, индуцированные строительством Европы на основе меркантилизма, опасного для равновесия обществ.

Таким образом, идея Европы была действительно «новой», но уже несущей в себе классический империализм, груз одновременно прежних и будущих тревог, и, однако, не исключаяющей горизонта ожиданий, демократической надежды, которого еще нужно достичь, но чья конечная цель отныне растворилась где-то между завоеванием свобод и либеральной логикой.

55. Ср.: *Serna P. Rigomer Bazin et la Restauration: penser la République dans la monarchie // Annales Historiques de la Révolution française. 2001. № 325. P. 53–76.*

REFERENCES

- Abbé de Saint Pierre. Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe, 1712. *Du Directoire au Consulat. L'intégration des citoyens de la Grande Nation* (ed. H. Leuwers), Lille, CRHEN-O-Université, 2001.
- Aulard A. *Études et leçons sur la Révolution française. 8e série*, Paris, Felix Alcan, 1921.
- Barère de Vieuzac B. *La liberté des mers ou le gouvernement anglais dévoilé. En 2 vols.*, Paris, 1798.
- Beaurepaire P.-Y. *L'Espace des francs-maçons. Une sociabilité européenne au XVIIIe siècle*, Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 2003.
- Beaurepaire P.-Y. *Le Mythe de l'Europe française au XVIIIe siècle. Diplomatie, culture et sociabilités au temps des Lumières*, Paris, Autrement, 2007.
- Belissa M. *Fraternité universelle et intérêt national (1713–1795) les cosmopolitiques du droit des gens*, Paris, Kimé, 1998.
- Belissa M. Les Lumières, le premier partage de la Pologne et le “système politique” de l'Europe. *Annales Historiques de la Révolution française*, 2009, no. 356.
- Belissa M. *Repenser l'ordre européen. (1795–1802). De la société des rois aux droits des nations*, Paris, Kimé, 2006.
- Bell D. *The Cult of the Nation in France: Inventing Nationalism, 1680–1800*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2001.
- Bertrand G. Le grand tour revisité pour une archéologie du tourisme: le voyage des Français en Italie, milieu du XVIIIe siècle—début du XIXe siècle. *Collection de L'Ecole française de Rome*, 2008, ch. 10, L'affirmation des hommes de science, pp. 399–429.
- Black J. *The Grand Tour in the Eighteenth Century*, Stroud, Sutton, 1992.
- Bost H. Lumières et refuge huguenot. Sur les itinéraires intellectuels de Bayle et de La Baumelle. *Christianisme et Lumières*, 2002, no. 34.
- Bourdin Ph., Chappey J.-L., eds. *Révoltes et révolutions en Europe et aux Amériques, 1773–1802*, CNED/SEDES, 2004.
- Bouyssy M., Cuoco V. *Des origines politiques du XIXe siècle*, Publications de la Sorbonne, 2008.
- Brissot J. P. Discours sur la nécessité de faire la guerre aux princes allemands. *Patriote Français*, 12 janvier 1792, no. 885.
- Cheney P. *Revolutionary Commerce. Globalization and the French Monarchy*, Cambridge, Harvard Press, 2010.
- De Bainville J. *Histoire de deux peuples continuée jusqu'à Hitler*, Paris, Fayard, 1933.
- De Francesco A. 1799: *Una storia d'Italia*, Milan, Guerini e associati, 2004.
- De Francesco A., Cuoco V. Introduction. *Platone in Italia*, Laterza, 2006.
- Digeon C. *La Crise allemande de la pensée française (1870–1914)*, Paris, PUF, 1959.
- Discours de Brissot à l'Assemblée du 20 octobre 1791. *Archives parlementaires*, vol. XXXIV, pp. 298–324.
- Discours sur les rapports politiques et économiques de l'Italie libre avec la France et les autres états de l'Europe, traduit de l'Italien par Couret de Villeneuve, de la société libre des sciences lettres et arts de Paris, et de celle d'institution de la même commune*, Paris, chez Baudouin imprimeur du corps législatif, 15 pluviôse an VI.
- Dorigny M., Sellaouti T., eds. *Droit des gens et relations entre les peuples dans l'espace méditerranéen autour de la Révolution française*, Paris, SER, 2007.
- Eschassériaux aîné. *Des intérêts de la république française et de toutes les puissances de l'Europe*, Paris, Éditions de l'imprimerie nationale, Pluviôse an IV.
- Goyard-Fabre S. *La Construction de la paix ou le Travail de Sisyphe*, Paris, Vrin, 1994.

- Guillet É. Les courbes et les droites. Patience en Allemagne et impatience en France à l'époque révolutionnaire. *Annales Historiques de la Révolution Française*, avril-juin 2010, no. 360, pp. 173-196.
- Jainchill A. *Reimagining Politics after The Terror. The Republican Origins of French Liberalism*, Ithaca, London, Cornell University Press, 2008.
- Jaurès J. *Histoire socialiste de la Révolution française* [1900-1904], Paris, Messidor, 1985.
- Jourdan A. *La révolution batave, entre la France et l'Amérique (1795-1806)*, Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 2008.
- Lacour P.-Y. *La République naturaliste. Les collections françaises d'histoire naturelle sous la Révolution. 1789-1804*, Paris, Éditions du CTHS, 1990.
- Lilti A. *Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle*, Paris, Fayard, 2005.
- Littell J. *Les bienveillantes*, Paris, Gallimard, 2006.
- Martin V. Du modèle à la pratique ou des pratiques aux modèles: la diplomatie républicaine du Directoire. *Républiques sœurs. Le Directoire et la révolution atlantique* (dir. P. Serna), Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 2009, pp. 87-102.
- Ozouf-Marignier M.-V. *La formation des départements, la représentation du territoire français à la fin du XVIIIe siècle*, Paris, EHESS, 1992.
- Palmer R. 1789: *Les révolutions de la liberté et de l'égalité*, Paris, Calmann-Lévy, 1968.
- Palmer R. *Le Gouvernement de la Terreur. L'année du comité de salut public*, Paris, Armand Colin, 1989.
- Penigault-Duhet P. M. Imlay, Brissot et le voyage d'Amérique. *Le voyage en Angleterre au XVIIIe siècle*, Paris, 1984.
- Pomeau R. *L'Europe des Lumières, cosmopolitisme et unité européenne au XVIIIe siècle*, Paris, Stock, 1966.
- Rance K. L'émigration nobiliaire française en Allemagne: une "migration de maintien" (1789-1815). *Genèses*, 1998, vol. 30, no. 30, pp. 5-29.
- Rao A. M. *Esuli: l'emigrazione politica italiana in Francia (1792-1802)*, Napoli, Guida editore, 1993.
- Rao A. M. La méditerranée, une frontière? Le cas de Naples au XVIIIe siècle. *Revue internationale d'études du Dix-huitième siècle (RIEDS)*.
- Rediker M., Linebaugh P. *L'hydre aux mille têtes, l'histoire cachée de l'atlantique révolutionnaire* [2001], Paris, Éditions Amsterdam, 2008.
- Serna P. *Républiques sœurs. Le Directoire et la révolution atlantique*, Rennes, Presses Universitaires de Rennes, 2009.
- Rousseau J.-J. *Principes du droit de la guerre. Écrits sur la paix perpétuelle* (dir. B. Bachofen, C. Spector), Paris, Vrin, 2008.
- Sabbagh D. William Penn et l'Abbé de Saint-Pierre: Le chaînon manquant. *Revue de synthèse*, janvier-mars 1997, vol. 118, pp. 83-105.
- Serna P. *Comment penser la guerre totale sans la réduire à une guerre totalement française?... Available at: <http://ihrf.univ-paris1.fr/spip.php?article320>.*
- Serna P. Rigomer Bazin et la Restauration: penser la République dans la monarchie. *Annales Historiques de la Révolution française*, 2001, no. 325, pp. 53-76.
- Sorel A. *L'Europe et la Révolution française*, Paris, Plon, 1887.
- Spector C. *Montesquieu: liberté, droit et histoire*, Paris, Michalon, 2010.
- Spector C. *Montesquieu. Pouvoirs, richesses et sociétés*, Paris, Hermann, 2011.
- Théremin Ch. *De la situation intérieure de la république*, Paris, Chez Maradan et Desenne, Pluviôse an V.
- Tortarolo E. *La censura nel secolo dei Lumi, una visione internazionale*, Torino, Utet, 2011.